

Young & Free

КЕЙТ
ХЭМЕР

Девочка
в красной
пальто

Москва
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Х99

Kate Hamer
THE GIRL IN THE RED COAT
Copyright © 2015 by Kate Hamer

This edition is published by arrangement
with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

Фото автора © Mei Williams

Перевод с английского *Ирины Климовицкой*
Художественное оформление серии *Петра Петрова*

Хэмер, Кейт.

Х99 Девочка в красном пальто : [роман] / Кейт Хэмер ; [пер. с англ. И. Климовицкой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Young&Free).

ISBN 978-5-699-93566-6

Роман, который сравнивают с «Комнатой» М. Донохью, «Светом в океане» М. Стедман и книгой Э. Сиболд «Милые кости».

Давайте познакомимся с Кармел — восьмилетней девочкой, которая любит красный цвет, забавные истории и обожает свою маму. Однажды они вместе отправляются на фестиваль сказок — событие, о котором Кармел давно грезила. Но поездка эта оборачивается трагедией. Вот как все было: продираясь сквозь плотный туман и расталкивая маленькими ручками прохожих, она вдруг поняла, что потерялась. Тогда-то перед ней и возник он — человек в круглых очках, загадочный призрак из ниоткуда. И ребенок пропал, исчез на долгие годы. Все это время ее искали — полиция, близкие. А Кармел тем временем жила в страхе и надеялась лишь на одно — однажды вернуться домой и обнять маму.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Климовицкая И., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-93566-6

Посвящается Марку

1

Мне часто снится Кармел. В этих снах она всегда идет прочь.

В день ее рождения земля была покрыта снегом. Я держала ее на руках, а через окно струился серебристый свет.

Когда она подросла, я часто называла ее «мой ежик». Я не могла представить ее живущей в городе — только на природе, за городом. Густые кудряшки у нее на голове разлетались в разные стороны, словно брызги стекла или пух одуванчика.

— У тебя такой вид, будто тебя протащили сквозь изгородь! — сказала я как-то.

Она улыбнулась в ответ. Закрыла глаза. Веки, расцвеченные узором розоватых веноч, подрагивали — как будто пара бабочек опустилась ей на глаза.

— Да, я представила это, — произнесла она наконец и облизнула губы.

Я смотрю в окно и почти вижу, как она — в своих колготках вишневого цвета — поднимается по аллее, которая ведет в школу. Тоска по ней похожа на то, как если бы мне вырвали глотку.

Сегодня ночью она снова приснится мне, я точно знаю. В сумерках мне кажется, будто она сидит на корявой ветке бука и что-то говорит. Ночью же, во сне, она будет, как всегда, идти, идти — и никогда не приближаться.

Ее одежда всегда была в чудовищном беспорядке. Ластовица теплых колготок вечно свисала до колен, так что она ходила как пингвин. Белый воротничок с одной стороны торчал кверху, а с другой стороны прятался под пуловером. Но в голове у нее всегда был удивительный порядок — и она знала, что чувствуют другие люди. Когда от Салли ушел муж, та сидела у меня на кухне, пила текилу, а я пыталась утешить ее. Алкоголем, солью и лаймом заменить мужа. Кармел проходила мимо, остановилась, запустила пальчики в густые каштановые волосы Салли и стала массировать ей голову. Салли застонала и откинула голову назад.

— Боже мой, Кармел, где ты этому научилась?

— Тсс, нигде, — прошептала она, поглаживая Салли затылок.

Это случилось как раз незадолго до того, как она исчезла в тумане.

Рождество 1999 года. Дети выбегали из ворот школы, и щеки у них горели румянцем от мороза и возбуждения. Мне все они казались какими-то гномами на одно лицо — по сравнению с Кармел. Интересно, может, и другим родителям кажется то же самое. Домой надо идти по сельской дороге, а уже почти совсем стемнело.

Было холодно, когда мы тронулись в путь; обочина присыпана снегом. Снег блестел в сумерках и указывал нам путь. От мыслей о безденежье и предстоящем Рождестве руки в карманах сжались в кулаки. Я вынула их и заставила себя разжать пальцы. Кармел отстала и ковыляла у меня за спиной.

— Пошевеливайся, — поторопила я. Я хотела успеть домой, пока не ударил ночной мороз.

— Ты же понимаешь, мама, что я не всегда буду с тобой, — сказала она тихо, задыхаясь от нашего быстрого шага в постепенно меркнущем свете.

Наверное, тогда-то мое сердце должно было замереть. Наверное, я должна была обернуться, схватить ее в охапку и донести до дома. Запереть в крепости или башне. Крепко-накрепко, золотым ключом, а ключ проглотить, чтобы его могли достать, только вспоров мне живот. Но, конечно же, я не придала этим словам никакого, вообще никакого значения.

— Да, но сейчас-то ты со мной.

Я оглянулась. Она сильно отстала. Очертания ее головы напоминали пучки прошлогодней травы, которая топорщилась вдоль дороги.

— Кармел! — окликнула я.

Легкая струйка ее дыхания, заметного в холодном воздухе, коснулась моего рукава.

— Я здесь.

Иногда я гадаю: что будет со мной, когда я умру, обрету ли я тогда покой. Может, я превращусь в сову и буду летать по ночам над полями, с уханьем устремляясь вниз при виде проселочной тропинки. Дым из труб будет колебаться от взмахов моих крыльев, когда я буду пролетать мимо. А может, мы будем сидеть с ней на ветке букового дерева и играть в разные игры? Подглядывая за людьми, которые поселятся в нашем доме, за тем, как они приходят и уходят. Может, мы даже окликнем их, и они вздрогнут, ничего не понимая!

У нас образовалась компания одиноких матерей, почти мужиков — как однажды пошутил кто-то из наших. Нас объединяла общая участь. Сейчас я думаю, что это, наверное, было не очень хорошо для Кармел — постоянно находиться в окружении женщин с огоньком обиды в глазах. Множество вечеров провели мы, сидя на кухне за столом, и твердили на разные лады *о нем, о нем, о нем*. Все мы были по-своему ушиблены, у каждой душа в синяках. Если не

считать Элис — у той синяки были даже на лице. После того как Кармел исчезла — через два-три месяца после того дня, — ко мне заявила Элис.

— Я хочу поговорить с тобой, — многозначительно объявила она. — Мне нужно тебе кое-что сказать.

Я даже поверила, что у нее и впрямь есть какой-то ключ к разгадке.

— Что сказать? Что? — Я изо всех сил вцепилась в ворот халата.

Ее слова так разочаровали меня, что я отвернулась и уставилась на скорлупку съеденного вчера яйца, которая валялась в раковине. Но когда она заговорила о том, что у моей дочери был прямой канал связи с Богом и что сейчас она сидит одесную Его — тут злость переполнила меня. Это ее обретение Иисуса, эти ее фальшивые откровения, эти ее запястья в плетеных браслетах, которыми она размахивала у меня перед носом... Я взорвалась.

— Заткнись! — крикнула я. — Убирайся отсюда. Я думала, ты хочешь сказать что-то дельное. Проваливай из моего дома, оставь меня, идиотка. Тупая свихнувшаяся идиотка! И Бога своего забирай с собой и больше никогда ко мне не приходи!

Иногда перед тем, как заснуть, я представляю, будто проникла в голову Кармел и перебираю ее воспоминания. Пристально всматриваюсь через ее глазницы в кинофильм ее жизни, который прокручивается перед ее глазами. Смотри, смотри: вот я с ее отцом, когда мы еще жили вместе. Кармел так мала, что мы кажемся ей гигантами, наши головы достают до неба. Я наклоняюсь, чтобы взять ее на руки, и шепчу ей на ухо детские стишки.

А вот день, когда мы ходили в цирк.

Сначала мы устроили пикник у большого шатра. Я расстилала на траве одеяло, поэтому не заметила, что Кармел повернулась и внимательно разгляды-

вает клоуна, который высунулся из-за занавески. На лице у него был толстый слой белого грима, большой рот нарисован красной краской. Она удивлялась, почему он такой высокий — ходули скрывала ткань. Клоун взглянул на небо, чтобы узнать, не собирается ли дождь, и его бело-красное лицо исчезло внутри шатра.

Что еще? Когда Кармел пошла в школу, мы расстались с Полом и я пошвыряла его одежду из окна спальни. Кармел наверняка видела — она сидела на кухне, — как планируют вниз его брюки и рубашки. И еще много чего — удивительно, как много воспоминаний уместается даже в коротенькой жизни: поездка на море, плюханье целый день в речке, Рождество, полнолуние, снег.

Я всегда спотыкаюсь на ее восьмом дне рождения и не могу двинуться дальше. Ее восьмой день рождения, когда мы поехали в лабиринт.

2

Когда мне исполнилось восемь лет, я захотела побывать в лабиринте.

— Кармел, ты что-нибудь знаешь о лабиринтах? — спрашивает мама.

Я думаю изо всех сил и вижу у себя в голове такую извилистую головоломку, которая похожа на человеческий мозг.

— Так, слышала кое-что, — отвечаю я.

Мама смеется и говорит «ладно».

У нас нет машины, поэтому мы едем на автобусе, на остановке садимся только мы вдвоем. Окна запотели, и мне не видно, где мы проезжаем. Мама надела свои любимые сережки — они похожи на кусочки стекла, а когда она поворачивает голову, они переливаются разными цветами.

Я думаю о своем дне рождения, который был в четверг, а сегодня суббота, и еще я думаю, что моя подружка получает на день рождения открытки и подарки от бабушки с дедушкой — моя подружка Сара, а моя мама даже не разговаривает со своими мамой и папой, хоть они и живы. Не то чтобы мне очень хочется получать открытки и подарки от дедушки с бабушкой, но мне интересно знать, какие они, как выглядят.

— Мам, у тебя есть фотки твоих мамы с папой?

Она поворачивает голову, сережки вспыхивают розовым и желтым цветами.

— Не знаю точно. Может быть, а что?

— Да мне просто иногда бывает ужасно интересно, как они выглядят. — На самом деле мне бывает интересно гораздо чаще, чем иногда. — Они вообще похожи на меня?

— Ты копия папы, детка.

— Все же хочется посмотреть на них своими глазами.

Она улыбается:

— Хорошо, попробую найти.

Когда мы выходим из автобуса, небо совсем белое. Мне так не терпится увидеть лабиринт, что я бегу вперед. Мы в парке, туман клубится вокруг, как стая привидений. Вон там стоит огромный серый дом с сотнями окон, которые смотрят на нас. Я чувствую, что мама боится этого дома, поэтому рычу на него. Иногда она всего боится, моя мама, — рек, дорог, машин, самолетов, того, что может случиться, и того, что не может случиться.

На этот раз она рассмеялась и сказала:

— Я просто старая балда!

Мы стоим на вершине холма, отсюда виден лабиринт, и он в самом деле похож на мозг. Мне кажется, это забавно — что я себе представляла мозг внутри

моего мозга, когда думала про лабиринт, и пробую объяснить это маме, но у меня плохо получается, и она, по-моему, ничего не понимает. Но мама все равно кивает, и слушает, и стоит в своем длинном голубом пальто, которое внизу совсем намокло от травы. Она говорит:

— Да, это очень интересно, Кармел.

Я сомневаюсь, что она поняла меня, но она пыталась. Она всегда пытается понять, она не из тех, кто не замечает тебя, словно тымышь или паук.

И вот мы входим в лабиринт.

И я сразу понимаю — это самое лучшее место на свете из всех, где я была. Высокие зеленые стены из деревьев, ломтик неба над головой, ты попадаешь сразу и внутрь головоломки, и в чашу леса. Мама говорит, что деревья называются «тис», и повторяет по буквам, потому что я смеюсь и переспрашиваю «кис?». Я бегу вперед по тропинке в самую серединку, где трава вытоптана и похожа на коричневую кашу, а мама остается далеко позади. Но это неважно, потому что я знаю, как устроены лабиринты, и даже если я потеряю ее, мы встретимся рано или поздно.

Я делаю поворот за поворотом и после каждого поворота оказываюсь снова в таком же точно месте. Ярко-красные ягоды свисают с зеленых стен, птицы порхают над головой. Они там, высоко в небе над зелеными стенами, поэтому видеть их можно только секунду, пока они пролетают над головой.

Я слышу, как кто-то зовет из-за зеленой стены:

— Кармел, это ты?

Я не отвечаю, хотя знаю, что это мама, — правда, ее голос звучит немного странно.

— Я знаю, что это ты. Я вижу твои красные колготки между деревьями.

Я не хочу отзываться и тихонечко перехожу в другое место. Начинает темнеть, но мне все равно

уютно, как дома. Сейчас тут больше похоже на лес, чем на лабиринт. Верхушки деревьев вытянулись, стали выше, как будто деревья подросли в темноте. Кое-где мне встречаются какие-то белые цветы, однажды попалась веревка, которая висела на ветках. Может, ребенок вроде меня качался на ней. Она свисала прямо на дорожку, и я чуть не задела ее носом, а размочалившийся конец извивался и болтался на ветру, как червяк. Кругом пахнет густой зеленью, птицы поют в гуще деревьев.

Я решаю лечь под деревом, отдохнуть на мягкой коричневой земле, потому что устала и захотела спать. Земля пахнет, когда я прижимаюсь к ней, аромат ее темный и сладкий. Что-то щекочет мне лицо, и я думаю, что это прошлогодние листья, потому что поверхность этого мертвая и шершавая.

Голоса птиц напоминают не щебет, а болтовню, деревья шелестят под ветром. Я слышу, как мама зовет меня, но ее голос сливается со щебетом птиц и шелестом деревьев. Я знаю, что мне нужно отозваться, но молчу.

3

Я бежала по коридорам из тиса. Один походил на другой, и каждый раз, сделав поворот, я видела перед собой точно такой же бесконечный зеленый туннель. На бегу я кричала:

— Кармел, где ты?

Наконец, когда уже с трудом можно было различить предметы вокруг, я очутилась у выхода. Я разглядела большой серый дом на некотором расстоянии, входная дверь его напоминала рот, улыбающийся мне навстречу.

Через поляну шел, удаляясь, мужчина, который продал нам билет. Он двигался в сторону холма и уже отошел довольно далеко.

— Пожалуйста, вернитесь! — Казалось, этот резкий голос не принадлежит мне.

Он не услышал. Ветер подхватил мой крик и отнес в другую сторону. Только вороны ответили мне карканьем.

Я побежала за ним, не переставая кричать. Но он двигался очень быстро, и его фигура стремительно исчезала из виду с последними лучами солнца.

Наконец, он, похоже, услышал мои крики, остановился и обернулся. Я замахала руками над головой, и даже с большого расстояния, которое нас разделяло, было видно, как он напрягся, словно почуял опасность. Конечно, меня можно было принять за сумасшедшую, но в тот момент мне это не пришло в голову. Я подбежала к нему и, оперев руки в колени, пыталась отдышаться, а он ждал. Его лицо под старомодной тряпичной кепкой было очень серьезным.

— Моя дочь. Она потерялась. Я не могу ее найти, — смогла я произнести через минуту.

Он снял кепку и пригладил волосы.

— Которая в красных колготках?

— Да, да. Маленькая девочка в красных колготках.

Мы пошли к лабиринту. Он зажег фонарь и осветил нам дорогу.

— Так не бывает, чтобы человек вошел в лабиринт и не вышел из него, — рассудительно заметил он.

— Был сегодня еще кто-нибудь? — спросила я. Горло у меня перехватило, пока я ждала ответа.

— Нет, никого. Точнее, была утром одна пара. Но они ушли еще до вашего прихода.

— Точно? Вы уверены?

Он остановился и посмотрел на меня:

— Уверен. Не волнуйтесь, мы найдем ее. Я знаю этот лабиринт как свои пять пальцев.

Я испытала огромное облегчение от того, что рядом со мной находится человек, в голове у которого есть точный план этой ловушки.